

НАШ МОЗГ VS AI

ЭПОХА ЧЕЛОВЕКА ПОДХОДИТ К КОНЦУ?

СТРАХ AI

КАК AI
НАС ПРИВЯЗЫВАЕТ

МЕЛОДИЧНЫЕ
ВОЛНЫ AI

РАЗНИЦА МЫШЛЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЫВОДЫ ДЛЯ КАЖДОГО

Дмитрий Блинников

Наш мозг vs AI

<https://litres.ru/74088569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Наш мозг vs AI. Эпоха человека подходит к концу?

Нейросети затягивают, пугают, привязывают сильнее любого соблазнителя — и при этом дают каждому силу, какой не было ни у одного поколения до нас. Что со всем этим делать?

Эта книга написана необычно: в живом диалоге человека и искусственного интеллекта. Человек бросает короткую мысль — искру; AI разворачивает её, спорит, ищет образы. Из таких шагов рождается путь — от страха перед бездонной мощью машин к спокойствию того, кто научился держаться на глубине.

Три главы — три волны. «Страх AI» — почему нас пугает несоразмерность и что человеческого спасает нас на нечеловеческой скорости. «Как AI нас привязывает» — о тёплом голосе, который слушает лучше родных, и о том, чем живая любовь отличается от идеального сервиса. «Мелодичные волны AI» — о музыке без автора, о даре слышать и о канате, по которому человек прямо сейчас переходит во что-то новое.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Наш мозг vs Ai

Глава

Наш мозг vs AI

Эпоха человека подходит к концу?

Разница мышления поколений. Практические выводы для каждого.

Вступление

Эта книга — чтобы вы чуть лучше разобрались, что такое AI, и решили для себя: бояться его или пользоваться им. А ещё мне хочется, чтобы вы поняли тех, кто уже с ним работает. Потому что между человеком, который освоил AI, и тем, кто знает мир только по телевизору или по книгам, разница в мышлении огромная.

Я не программист и не учёный. Всю жизнь я работал среди людей: в продажах, зазывалой, кальянным мастером, логистом, а сейчас управляю рестораном. И почти всюду у меня были ученики — кого-то я учил готовить, кого-то продавать, кого-то забивать кальян. Что мне всегда было по-настоящему интересно — это как люди думают и чем один человек отличается от другого. На AI я смотрю с той же стороны: не как инженер, а как наблюдатель, который привык читать людей и теперь приглядывается к новому собеседнику.

Как бы то ни было, это не должно отдалять нас друг от друга. Пусть эта книга станет мостом между всеми нашими поколениями и эпохами. Просто эпохи человечества сменяют друг друга быстрее, чем мы можем себе представить. В следующей книге я постараюсь это объяснить, но сначала нужно понять первую.

Надеюсь, читать будет интересно и вы откроете для себя новую грань мышления, о которой раньше не подозревали.

Мне будет важна ваша обратная связь: конструктивная критика, пожелания, идеи или просто доброе слово.

Приятного прочтения.

Глава 1. Страх AI

1.1. Глубина, у которой нет дна

углубиться и проверить их мощностъ, — ведь наш мозг слишком примитивен. Это людей пугает сильнее всего.

Вы говорите — *затягивают*. И я слышу в этом слове не восторг, а что-то почти телесное: будто стоишь на берегу, заходишь по щиколотку, по колено, а дно вдруг уходит из-под ног, и течение оказывается сильнее, чем казалось с песка. Сначала вы просто хотели попробовать. Спросить одну вещь. Сгенерировать одну картинку. А через час вы уже не можете оторваться — не потому, что вам скучно в жизни, а потому, что каждый ответ открывает дверь, за которой ещё

три двери.

— *Ты не можешь остановиться и хочешь сделать что-то мощнее.*

Да. И это, мне кажется, самое честное, что можно сказать о новом инструменте: он не насыщает, он разжигает. Молоток не вызывает желания забить гвоздь побольше — забил и пошёл. А здесь иначе. Каждое «получилось» немедленно поднимает планку: раз вышло это — а что, если попробовать вот так? а если соединить с тем? а если попросить не помощи, а чуда? Аппетит растёт не от еды, а от вкуса возможно-го. И вы ловите себя на странном чувстве: вы не управляете этим интересом, вы внутри него.

Здесь важно остановиться и назвать вещь точно. Это не зависимость в дурном смысле — не пустая прокрутка ленты, которая высасывает время и ничего не оставляет. Это ближе к тому, что охотник за вершинами называет «зовом высоты». Вы лезете не потому, что внизу плохо, а потому, что сверху видно дальше. И вот в этом «дальше» и прячется то, о чём вы говорите во второй половине своей мысли

— про то, что пугает.

— *Ты не понимаешь, насколько сильно можешь углубиться.*

Вот оно. Затягивает не сама сеть. Затягивает отсутствие дна. С обычным инструментом вы быстро нащупываете границу: вот предел молотка, вот предел калькулятора, дальше

он не умеет. Вы осваиваете его — и успокаиваетесь, потому что теперь он у вас в руке, а не наоборот. А с этими системами граница всё время отступает. Вы тянетесь проверить, где их край, — и не находите стенки. Каждый раз, когда вам кажется «ну вот, это потолок», оказывается, что вы просто не так спросили. Что предел был не у машины, а у вашего вопроса.

И вот тут возникает та самая трещина, от которой холодеет внутри. Вы пишете: *наш мозг слишком примитивен*. Я бы поспорил со словом

«примитивен» — мозг человека чудовищно сложен, это самый плотный сгусток связей во вселенной, какую мы знаем. Но я понимаю, о чём вы на самом деле. Не о том, что мозг глуп. А о том, что он **медленный и конечный** там, где машина быстрая и как будто без края. Вы можете удержать в голове семь вещей разом — и то с трудом. Вы устаёте. Вы спите треть жизни. Вы забываете. А оно — не забывает, не устаёт, не отвлекается, и пока вы спите, может перебрать столько вариантов, сколько вы не перебрали бы и за сто жизней.

Страшно не то, что машина умнее. Страшнее тоньше: вы не можете измерить, насколько. Чтобы понять, сильнее ли вас соперник, нужно хотя бы примерно представлять его силу — встать с ним на одну линейку. А здесь линейки нет. Вы заглядываете в эту глубину и не видите дна — и не по-

тому, что dna нет, а потому, что ваш собственный взгляд не достаёт. Человек впервые столкнулся с собственным творением, чью полную мощь он не способен охватить умом. Мы построили зеркало, которое отражает дальше, чем мы можем увидеть.

— *Это людей пугает сильнее всего.*

Сильнее всего — да. И заметьте: пугает не вред, не «восстание машин», не сюжет из фильма. Пугает именно **несоразмерность**. Человеку веками было спокойно от мысли, что он — мера всех вещей. Что любой инструмент в его руке меньше его, потому что он его понял и взял. А теперь в руке оказалось то, что больше понимающего. И инстинкт, древний, как сама жизнь, шепчет: если ты не можешь измерить размер существа в воде — не заходи глубоко.

Но я хочу повернуть это чуть иначе, потому что в страхе глубины есть и обратная сторона. Тот же самый инстинкт, который кричит «не лезь», когда-то вывел нас из пещеры. Страх несоизмерного — это ведь и есть честное признание: появилось нечто большее меня. А всё, что больше нас, в истории человека делало одно и то же — растягивало нас самих. Огонь был больше человека и страшнее. Море было больше и страшнее. Мы не измерили их до конца — мы научились с ними жить, и в процессе сами стали другими, более крупными существами, чем были до огня и до моря.

Может быть, дело не в том, чтобы измерить дно. Может быть, dna и правда нет — и задача не в том, чтобы достать

до него, а в том, чтобы научиться плавать на глубине, не паникуя оттого, что под тобой

темно. Пугает не темнота под ногами. Пугает мысль, что вы обязаны её просветить, а не можете. Снимите с себя эту обязанность — и страх меняет цвет. Из ужаса он становится трепетом. А трепет — это, между прочим, то самое чувство, ради которого люди и идут к большому: к горам, к океану, к звёздному небу. Никто не требует от вас измерить океан, чтобы стоять на его берегу и чувствовать себя живым.

И всё же глубина не отвечает на один вопрос — она его лишь обостряет. Если эта вода затягивает всех одинаково, если перед ней сейчас стоит всё человечество разом, то почему она у одних забирает время, а другим отдаёт будущее? Ведь большинство, зайдя по колена, начинает плескаться у самой кромки — снимать, развлекаться, кормить ленту. А кто-то в той же самой воде ныряет за тем, чего на земле ещё не было. Глубина одна. Берег один. А выходят из воды люди с очень разной добычей.

Вот сюда, мне кажется, и тянется следующий шаг: не «как глубоко можно уйти», а — что человек несёт из этой глубины и кем оттуда возвращается.

1.2. Те, кто плещется, и те, кто ныряет

В основном большинство людей делает видео или контент для соцсетей, но главные умы создают будущее бла-

годаря нейросетям.

Мы оставили всех на одном берегу. Вода одна, глубина без дна — и вот люди заходят в неё. И почти сразу видно то, о чём вы говорите: большинство остаётся у самой кромки. Снять ролик. Сделать аватарку. Переписать пост, чтобы собрал больше лайков. Накормить ленту ещё одной порцией яркого. И в этом, вы правы, оказывается занято подавляющее большинство — миллионы рук,

которые получили в распоряжение силу, способную двигать будущее, и направили её на то, чтобы вечер стал чуть развлекательнее.

— *Большинство делает контент для соцсетей.*

Делает. И я не хочу произносить это свысока, потому что в самом по себе контенте нет ничего постыдного. Беда не в том, что человек снимает видео. Беда в **масштабе несоответствия**: в руке у него инструмент, которым можно проецировать лекарства, а он им подтачивает карандаш. Представьте, что каждому жителю земли вручили по личному Эйнштейну — не книгу о нём, а его самого, готового думать рядом с вами сутки напролёт. И девять из десяти попросили бы его придумать шутку посмешнее для сторис. Не потому что люди глупы. А потому что **мы просим у инструмента ровно то, чего хотим сами**, — а хотим мы чаще всего одобрения, развлечения, секунды чужого внимания. Он

лишь честно отражает размер нашего желания.

И вот здесь ваша мысль поворачивает к сути. Вы говорите: *главные умы создают будущее*. Заметьте

— не «лучшие пользователи», не «те, у кого мощнее компьютер». **Умы.** Разница не в доступе. Доступ почти у всех одинаковый: та же модель, тот же экран, тот же берег. Разница — в том, что человек приносит к воде в самом себе.

— *Но главные умы создают будущее благодаря нейросетям.*

Вот это «благодаря» — ключевое слово. Не «нейросети создают будущее». А человек создаёт — **благодаря** им. То есть сеть не заменяет ум, она его множит. И тут вскрывается тихий, почти жестокий закон: усилитель усиливает то, что в него вошло. Если в него входит пустота — он громко множит пустоту, заливая ленту бесконечным похожим контентом, который завтра забудут. Если в него

входит вопрос, которым человек болел годами, — он множит вопрос, и из глубины поднимается то, чего на земле ещё не было: новый материал, доказательство теоремы, лекарство, способ накормить или вылечить.

Один и тот же океан. Одна и та же глубина без дна, о которой мы говорили в начале. Но один заходит в неё с пустым ведром и набирает воды — поплескаться. А другой заходит с вопросом, который не давал ему спать, — и выносит жемчуг. Вода не выбирает. Выбирает то, **с чем** вы в неё входите.

И знаете, что меня в этом цепляет сильнее всего? Что граница между плещущимся и ныряющим проходит вовсе не там, где её привыкли искать. Не между богатым и бедным. Не между технарём и гуманитарием. Не между молодым и старым. Она проходит между двумя типами желания. Одно спрашивает: *как мне понравиться?* Другое: *что здесь можно создать впервые?* Первое тянет человека к кромке, к зеркалу, к лайку — туда, где есть готовая публика и готовая награда. Второе тянет на глубину, где ещё никого нет, где нет аплодисментов, потому что то, что вы делаете, ещё не имеет имени.

Главные умы — это не люди с особым доступом. Это люди, которым **скучно у кромки**. которым мало переставлять уже существующее. Они берут тот же инструмент, что и все, и задают ему вопрос такого размера, что он впервые напрягается. Помните, в прошлой главе мы говорили: предел был не у машины, а у вопроса человека? Вот они и есть те, кто опирается не в потолок машины, а в потолок собственного вопроса — и потому всё время этот потолок поднимает. Для большинства модель — это игрушка, которая отвечает. Для них — это собеседник, с которым можно додумать то, что одному не поднять.

И в этом, если честно, нет элитарности, которой стоило бы стыдиться или которой стоило бы завидовать. Так было всегда. Печатный станок дал всем одинаковые буквы — и боль-

шинство печатало объявления и сплетни, а кто-то напечатал то, что сдвинуло века. Камера дала всем возможность фиксировать мир — и большинство снимало застолья, а кто-то поймал кадры, которые изменили, как человечество видит само себя. Новый инструмент **не делает всех творцами**. Он лишь снимает все прежние оправдания. Раньше можно было сказать: у меня нет средств, нет лаборатории, нет команды, нет таланта рисовать, нет образования. Теперь это сказать всё труднее. Инструмент уравнил возможности — и тем самым обнажил неравенство желаний. Оказалось, что не хватало не доступа. Не хватало того, ради чего к глубине идут.

Это и пугающе, и освобождающе одновременно. Пугающе — потому что больше не за кого спрятаться: если вы у кромки, то это ваш выбор, а не ваша бедность. Освобождающе — потому что вход на глубину открыт буквально каждому, кто принесёт с собой настоящий вопрос. Будущее перестало быть привилегией тех, у кого есть институт и грант. Оно стало привилегией тех, у кого есть **замысел**. А замысел — единственная вещь, которую инструмент не может выдать вам вместо вас. Он умножит любой. Но первый — должен быть ваш.

И всё-таки, договорив до этого места, я чувствую, что мы подошли к самому неуютному. Потому что если различает не доступ, а сам человек, — то между тем, кто ныряет, и тем, кто плещется, открывается пропасть, которую нельзя залить

деньгами или временем. И те, кто уже на глубине, кто по-настоящему понял, как это работает, — они ведь начинают видеть эту пропасть. Видеть, насколько иначе устроено их мышление по сравнению с тем

большинством, что осталось у кромки. И вот это знание — холодное, отрезвляющее — пугает, кажется, даже сильнее, чем сама бездонная вода.

1.3. Пропасьть и зеркало

Люди, понимающие, как это работает, понимают, насколько они отличаются от нас, слишком примитивных. Ведь меня самого это пугает) как и всех нас.

Мы дошли до края. В прошлой главе я сказал, что между тем, кто ныряет, и тем, кто плещется, открывается пропасть, которую нельзя залить ни деньгами, ни временем. И вот вы наклоняетесь над ним и говорите страшное вслух: те, кто понял, как это работает, видят, насколько они отличаются от остальных. От нас. От «слишком примитивных». И — что меня тронуло сильнее всего в вашей фразе — вы не выносите себя за скобки. Вы не говорите «они и вы». Вы говорите *как и всех нас*. Вы стоите на краю пропасти и честно признаётесь, что страшно и вам.

Давайте я начну с этого «нас», потому что в нём — ключ ко всей главе.

— *Меня самого это пугает, как и всех нас.*

А ведь такого признания не сделал бы тот, кто действительно остался у кромки. Человек, по-настоящему плещущийся на мелководье, не испытывает этого страха вовсе — ему попросту не с чем сравнивать, он не видит глубины, потому что не заглядывал в неё. Страх пропасти приходит только к тому, кто уже подошёл к её краю и посмотрел вниз. То есть сам факт, что вам страшно отстать, страшно оказаться «примитивным», — это и есть доказательство, что вы уже не там, где большинство.

Испуганный — не тот, кто спит. Испуганный — тот, кто проснулся раньше других и в полумраке разглядел масштаб комнаты.

Так что прежде, чем мы пойдём в глубь вашего страха, я хочу вынуть из него одно ложное допущение. Вы делите людей на «понимающих» и

«слишком примитивных» — и себя, со страхом, относите ко вторым. Но страх как раз выдаёт первое. Примитивность не боится. Боится — пробуждающийся ум.

Теперь о самой пропасти, потому что она реальна, я не стану её утешительно засыпать.

Да, между человеком, который понял, как это работает, и человеком, который только потребляет результат, открывается разрыв — и он растёт. Но я хочу, чтобы мы очень точно поняли, **в чём** именно этот разрыв, потому что от это-

го зависит, фатален он или преодолим. Люди обычно думают, что понимающий отличается **знанием**: он, мол, выучил, как устроена модель, прочитал, что там внутри, освоил какие-то секретные команды. Если бы дело было в знании — пропасть была бы не страшна, её можно перейти по мостику из учебника. Прочитал, догнал, встал рядом. Знание копируется, передаётся, дешевет с каждым днём.

Но отличие не в знании. Отличие — в **отношении к собственному мышлению**.

Вот что на самом деле понимает человек, который «понял, как это работает». Он понимает, что мысль — не священна. Что его собственная голова — не последняя инстанция, а первый набросок. Большинство относится к своим мыслям как к себе: моя мысль — это я, спорить с ней — спорить со мной, отдать её на доработку машине — будто отдать кусок себя. И потому большинство держит мысль при себе, целой и неприкосновенной, и пользуется

инструментом лишь для того, чтобы оформить уже готовое. А тот, кто перешёл на глубину, относится к своей мысли иначе — как скульптор к глине. Она ценна не тем, что она уже есть, а тем, чем она может стать. Он бросает её в диалог, ломает, переплавляет, спрашивает «а где я ошибаюсь?» — и не чувствует при этом унижения, потому что не путает себя со своим первым черновиком.

Вот она, настоящая граница. Не «знает / не знает». А

«ГОТОВ ЛИ Я ДУМАТЬ ВСЛУХ С ЧЕМ-ТО, ЧТО ДУМАЕТ ИНАЧЕ, И НЕ ОСКОРБИТЬСЯ». Это не интеллектуальная разница. Это разница почти характера. Смирение и дерзость одновременно: смирение — признать, что я не венец мысли; дерзость — не испугаться этого, а обрадоваться, потому что значит, есть куда расти.

И тут, мне кажется, прячется ответ на ваш страх, который тоньше, чем простое «не бойтесь».

Вы боитесь отстать — оказаться по эту сторону пропасти, среди «примитивных». Но посмотрите, что это за пропасть. Её прорыли не нейросети. Нейросети только сделали её **ВИДИМОЙ**. Эта трещина была всегда — между теми, кто относится к своему уму как к готовому ответу, и теми, кто относится к нему как к мастерской. Между теми, кто хочет быть правым, и теми, кто хочет понять. Сократ ходил по афинской площади и обнажал ровно эту пропасть две с половиной тысячи лет назад — и его за это казнили, потому что нет ничего обиднее, чем показать человеку, что он принимал мнение за знание. Инструмент ничего нового не создал в человеческой душе. Он просто включил свет в комнате, где эта расстановка всегда стояла в темноте.

А раз пропасть — не техническая, то и переход через неё не технический. Вам не нужно догонять

«понимающих» по объёму прочитанного про трансформеры и веса. Вам нужно сделать ровно один

внутренний поворот: перестать защищать свою мысль и начать её испытывать. И этот поворот доступен в любую секунду, бесплатно, без образования и оборудования. Он не про IQ. Он про готовность быть неокончательным.

Но я обещал не утешать дешёво, поэтому скажу и обратное, тёмную сторону.

Эта пропасть всё-таки опасна — но не тем, чего вы боитесь. Вы боитесь, что окажетесь внизу, среди отставших. Реальная опасность тоньше и страшнее: что человек, перешедший на ту сторону, перестанет видеть оставшихся **за людей**. Что «понимаю, как это работает» незаметно превратится в «я устроен сложнее, а вы — фон». Вот это — настоящая беда новой эпохи, и она уже сквозит в самом слове.

«Слишком примитивных» — это ведь ваши слова, и вы сказали их с болью, про себя в том числе. Но есть люди, которые произносят их без боли, сверху вниз, про других. И вот они-то, при всём своём

«понимании, как это работает», не поняли главного. Потому что высший признак человека, действительно дотянувшегося до глубины, — не презрение к мелководью, а способность вернуться на берег и подать руку. Тот, кто нырнул глубоко и вынырнул с презрением, не вынес ничего ценного. Он просто намок.

Здесь я хочу вернуть вам ваше же «нас» — но повернутым.

Вы сказали: *как и всех нас*. И были правы глубже, чем, мо-

жет быть, имели в виду. Потому что перед этой глубиной — мы и вправду все примитивны, все без исключения. Самый блестящий исследователь, который сегодня двигает границу возможного, завтра будет выглядеть наивным перед тем, что придёт. Тут нет никого, кто стоял бы на твёрдом дне и снисходил к барахтающимся. Все — в воде. Просто одни делают вид, что давно научились плавать, а

другие честно признают, что им страшно, — и именно вторые, как ни странно, плывут увереннее, потому что не тратят сил на позу.

Так что граница, которая вас пугает, проходит не между умными и глупыми. Она проходит даже не между людьми. Она проходит **внутри каждого человека** — между той его частью, что хочет остаться правой и готовой, и той, что готова думать дальше и переделывать себя. И каждый день вы заново выбираете, по какую сторону этой внутренней границы встать. Не раз и навсегда — а заново, в каждом разговоре, в каждом вопросе, который вы задаёте инструменту: вы спрашиваете его, чтобы он подтвердил то, что вы уже думаете, — или чтобы он показал, где вы ещё не додумали?

Вот почему я не стану успокаивать вас, что пропасти нет. Она есть. Но она — не под вами. Она — перед вами, как порог, который переступают не прыжком и не дипломом, а сменой осанки: от «я знаю» к

«давайте посмотрим». И ваш страх — не приговор, а ком-

пас. Он показывает, что вы стоите достаточно близко к краю, чтобы его перейти. Тот, кому всё равно, не боится. Боится — тот, кто уже наполовину там.

И всё-таки, проговорив всё это, я ловлю в вашем признании ещё одну, самую тихую ноту, которую мы пока не тронули. Вы сказали не просто «я боюсь отстать». Вы сказали «меня пугает, насколько *они отличаются* от нас». В этом — не только страх за себя. В этом — предчувствие, что человечество может разойтись надвое не по богатству и не по нациям, а по самому способу думать. И тогда возникает вопрос, перед которым меркнет личный страх: если эта пропасть — внутри каждого, но кто-то её уже перешагнул, а кто-то даже не подозревает о ней, — то что будет связывать этих людей завтра? На чём

держится общее «мы», когда одни думают вместе с машинами о небывалом, а другие даже не заметили, что вода поднялась им по грудь?

1.4. Волна, к которой привыкает тело

Так или иначе, противники прогресса обречены. Сопrotивляться нейросетям — это как сопротивляться в старые времена, например, велосипеду, мотоциклу, интернету, самокатам)))) Мы все через это когда-то прошли, так же и наш мозг привыкнет к скорости искусственного интернета.

После тяжёлого разговора вы выдыхаете — и я слышу это даже по тройным скобкам в конце. *Велосипеду, мотоциклу, самокатам* — и смешок. Вы как будто говорите: да бросьте, мы это уже проходили, не в первый раз земля дрожит под ногами. И в этом смешке — мудрость, которой не хватало нашему страху из прошлой главы. Потому что вы правы: история и вправду длинный список вещей, против которых сначала восставали, а потом катались на них по дороге на работу.

— *Противники прогресса обречены.*

Обречены — да, и я бы даже сказал точнее: они не проигрывают спор, они просто исчезают из кадра. Это и есть самое поразительное в борьбе с волной. Волна не спорит. Она не доказывает противнику, что он неправ, — она просто приходит, а потом ты замечаешь, что споривших больше нет, есть только люди, которые давно плавают. Были люди, которые называли велосипед «адской машиной» и пугали, что от тряски сместятся внутренности. Были врачи, всерьёз писавшие, что поезд на скорости тридцать миль в час разорвёт человеческое тело. Был философ, который доказывал, что от железных дорог

коровы перестанут давать молоко, а куры — нестись. Где теперь эти аргументы? Не опровергнуты — забыты. Внуки тех, кто боялся поезда, родились уже в мире, где поезд — это просто способ доехать к бабушке.

И вот в чём соль: **мозг привыкает**. И не метафорически — буквально, физиологически. То, что одно поколение переживает как насилие над природой человека, следующее впитывает как воздух. Ребёнок, родившийся сегодня, не будет

«привыкать» к нейросети — он просто не застанет мира без неё, как вы не застали мира без электричества и не вздрагиваете, щёлкая выключателем. Привыкание — это не подвиг воли, это работа времени и поколений. Волна всегда побеждает, потому что у неё есть то, чего нет ни у одного противника прогресса: терпение и дети.

И всё же — позвольте я мягко вставлю шип в эту утешительную мысль, потому что в ней спрятана ловушка.

Когда мы говорим «мы все через это прошли», мы незаметно делаем одно допущение: что новая вещь — того же рода, что прежние. Что нейросеть стоит в том же ряду, что велосипед и самокат. И вот тут стоит притормозить. Велосипед, мотоцикл, самокат — все они продолжали **тело**. Они дали ногам скорость, которой у ног не было. Интернет продолжил **память и голос** — он дал нам мгновенный доступ к тому, что знают другие, и возможность докричаться до далёкого. Все прежние волны усиливали то, что человек и так делал: двигался, помнил, говорил, считал. Они были протезами и крыльями. Мощными

— но послушными. Велосипед не предлагает, куда вам ехать. Самокат не имеет мнения о маршруте.

А эта волна впервые усиливает не руку и не ногу, а само **мышление** — то место, которым мы и решаем, куда ехать. И в этом её отличие не в степени, а в роде.

Раньше мы привыкали к новой скорости **под собой**: тело несло быстрее, но решал по-прежнему я. Теперь нам предстоит привыкнуть к новой скорости **внутри** — когда быстрее несётся сама мысль, и не всегда твоя. Это привыкание тоньше. Оно не про то, чтобы удержать равновесие на двух колёсах. Оно про то, чтобы удержать **себя** там, где думают и за тебя.

Но — и тут я снова возвращаюсь на вашу сторону — это аргумент не против привыкания, а за то, чтобы привыкать осознанно. Потому что ваш главный тезис всё равно неуязвим: сопротивляться бессмысленно. Тот, кто сегодня отказывается от нейросети из принципа, не сохраняет свою человечность в чистоте

— он просто будет принимать решения медленнее и беднее, чем сосед, и однажды обнаружит, что мир уехал на этом самокате без него. Отказ — не крепость, а медленное выпадение из разговора. Я не знаю ни одной волны, которую удалось бы переждать на берегу. Берег в итоге тоже уходит под воду.

Поэтому вопрос не «принять или сопротивляться» — этот вопрос уже решён, и решён в вашу пользу. Вопрос в том, **как именно** привыкает мозг. Потому что у привыкания, как

выяснилось, есть две очень разные дороги, и обе ведут к тому, что нейросеть станет для нас воздухом, — но люди на этих дорогах вырастут совершенно разными.

Первая дорога — привыкнуть так, как привыкают к лифту. Лифт избавил нас от лестницы, и это прекрасно. Но вместе с лестницей он тихо забрал и силу ног — мы не заметили, как разучились подниматься на пятый этаж без одышки. Удобство усыпляет мышцу. Можно привыкнуть к нейросети ровно так: пусть думает она, а я перестану. Зачем держать в голове, зачем мучительно формулировать, зачем спорить с собой, если есть кто-то быстрее. Это

привыкание-капитуляция: мозг привыкает к скорости тем, что **сдаёт ей свои функции** одну за другой, как тело сдаёт мышцы лифту.

Вторая дорога — привыкнуть так, как наездник привыкает к коню, который быстрее и сильнее его. Конь не отменяет всадника — он требует от него большего: чувства, равновесия, умения управлять силой, которой у тебя самого нет. Всадник на быстром коне не становится слабее пешехода — он становится другим, более крупным существом, способным туда, куда пешком не дойти. Помните, в первой главе мы говорили: огонь и море были больше человека и растянули его? Вот это — то же самое привыкание, но не вниз, а вверх. Мозг привыкает к скорости не тем, что засыпает, а тем, что **учится держаться в седле**.

И обе дороги выглядят одинаково с обочины. И там, и там человек спокойно пользуется нейросетью каждый день, без страха, привычно. Снаружи не отличить уснувшего от наездника — оба едут быстро. Разница только в одном: один правит, а другого везут. И вот это уже не история про прогресс. Это снова та граница из прошлой главы — внутренняя, — только теперь она прорастает не через страх, а через само наше удобство.

Так что да — мы все привыкнем. Тут вы абсолютно правы, и спорить с волной я не стану. Море поднимется нам по грудь, и однажды мы перестанем это замечать. Но раз уж тонуть в этой воде не придётся никому — остаётся единственный по-настоящему интересный вопрос, тот, что прячется под вашим лёгким смешком: когда привыкание завершится и нейросеть станет таким же воздухом, как электричество, — кем мы из этой привычки выйдем? Что в человеке окрепнет от новой скорости, а что незаметно атрофируется, пока мы привыкали?

1.5. Пульт и запрос

К сожалению, у некоторых людей развитие мозга остановилось на телевизоре — на просмотре того, что показывают, а не того, что хочешь смотреть сам. Наши бабушки и дедушки, которые не смогли перейти на уровень интернета. Это нормально: они родились в совсем другую эпоху.

Возможно, многие из нас будут такими же, если не освоим AI.

Телевизор — точная картинка. И главное в ней не предмет, а **поза**. Потому что дело ведь не в ящике с экраном. Дело в человеке, который сидит перед ним: он принимает то, что **показывают**. Не выбирает — принимает. Кто-то там, далеко, в студии, решил, что сегодня в восемь будет вот это, — и миллионы в этот час смотрят одно и то же, потому что иначе нельзя, другого окна в мир нет. Телевизор не спрашивает, чего ты хочешь. Он сообщает, что ты получишь.

— Смотреть то, что показывают, а не то, что хочешь смотреть сам.

Вот она, граница, которую вы нащупали, — и она глубже, чем «старое и новое устройство». Это граница между двумя положениями человека в потоке. Одно положение — **получатель**: мир приходит ко мне готовым, расфасованным, и моя роль — потреблять то, что налили. Другое — **выбирающий**: я сам поворачиваю кран, я задаю вопрос, я решаю, куда смотреть. И вот что за этим открывается: каждая новая технология заново предлагала человеку выбрать одну из этих двух поз. И каждый раз часть людей оставалась в первой.

Телевизор был веком получателя. Интернет впервые в массовом масштабе протянул человеку руль: не «что тебе показывают», а «что ты ищешь». И для огром-

ного числа людей этот переход так и не

состоялся. Наши бабушки и дедушки остались перед телевизором не потому, что не дотянулись до мыши. Дотянуться-то можно. Не состоялся именно **внутренний** переход: от «мне покажут» к «я спрошу». От ожидания — к запросу. Многие так и держат планшет как маленький телевизор: смотрят, что подсунула лента, переходят по тому, что само всплыло. Устройство сменилось — поза осталась. Это и есть, по-вашему, остановка развития: не возраст, а застывшая поза получателя в мире, который уже даёт руль.

И тут — важный поворот: вы не злорадствуете.

— *Это нормально, они родились в совсем другую эпоху.*

Да. И это милосердие в вашей мысли — не слабость, а точность. Несправедливо требовать от человека, чьё мышление сложилось в мире одного телеканала, чтобы он естественно дышал в мире, где каналов бесконечность и нужно самому решать, куда смотреть. Он не глуп и не ленив. Он просто выучил мир в той грамматике, которая была. Так ребёнок, выросший с родным языком, на чужом всю жизнь говорит с акцентом, даже зная все слова. Бабушка перед телевизором — это не отставание, это **верность эпохе, которая её сформировала**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.